

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Логико-синтаксические отношения и структура текста

В предшествующих главах были выделены четыре типа отношений, участвующих в логико-синтаксической организации предложения: экзистенция, номинация, идентификация и предикация (характеризация). Каждое из них способно стать коммуникативным ядром предложения и получить оформление универсальным «предикатором» — глаголом *быть*, обладающим наибольшей логической многозначностью. Ср. *Был у меня один знакомый* (утверждение существования). *Был он Афанасий Кузьмич по имени* (именование). *Был Афанасий Кузьмич большой шутник* (характеризация). *Афанасий Кузьмич как раз и был тем человеком, который придумал всю эту мистификацию* (утверждение тождества). Некоторые ученые были склонны даже объяснять многие логические недоразумения и парадоксы полифункциональностью глагола *быть*.

То, что любое логико-синтаксическое отношение может составить ядро сообщения, послужило основанием для их объединения в общую категорию предикативных отношений, хотя ни утверждение существования, ни утверждение идентичности предмета самому себе, ни сообщение о его имени (т. е. кодовой номинации) не могут быть подведены под логическое определение предикации как отнесения признака к его носителю. Понятие предикации было тем самым расширено. Под предикацией в логике стали понимать отнесенность того, что утверждается в сообщении, к тому, о чем делается это утверждение, т. е. нового к данному, сообщаемого к предмету речи. Лингвисты определили предикацию как отнесение содержания предложения к действительности.

Между тем, хотя в таких определениях часто не расшифровывалось понятие «того, что утверждается» и можно было бы думать, что со стороны содержания здесь не ставится никаких ограничений, не была оставлена и атрибутивная трактовка предикации, предполагающая соответствие предиката признаку предмета¹. Не случайно поэтому среди логиков так часто возникали споры о том, например, может ли понятие существования составить содержание логического предиката, а среди лингвистов — сомнения относительно того, может ли лишенный лексического наполнения глагол бытия выполнять функцию сказуемого.

Унификация логического содержания предложений имела своим следствием унификацию их грамматического анализа. Все типы предложений стали приводиться к общему знаменателю — субъектно-предикатной (подлежащно-сказуемостной) структуре. Попытки такого рода унификации, впрочем, имели под собой то основание, что во многих языках (по крайней мере в языках индоевропейского типа) прошла универсализация номинативной «формулы предложения». Развитие этой тенденции, которое не достигло своего предела, т. е. подлежащно-сказуемостная структура, состоящая из номинатива и финитного глагола, не стала всеобщей, естественно приводило к известной «дефункционализации» членов формулы, в частности номинатива.

Стремление обнаружить в любом предложении подлежащее и сказуемое или хотя бы один из этих членов бывает связано с явным насилием над строем предложения. Известно, например, сколько хлопот доставляли лингвистам поиски подлежащего и сказуемого в экзистенциальных предложениях, типа англ. *There are clouds on the sky*; русск. *Было у меня один друг; У него не было друзей; У меня много друзей*; исп. ¿ *Hay nubes en el cielo? Si, las hay* (где имя заменено местоимением вин. падежа).

Очень важно обратить внимание на то, что анализируемые в данной работе логико-синтаксические отношения могут передаваться не только одинаковой или в чем-либо сходной языковой структурой, но имеют также спе-

¹ Эта двойственность отражена в определении предиката в «Логическом словаре» Н. И. Кондакова (М., 1971): «предикат — то, что высказывается (утверждается или отрицается) в суждении о субъекте. Предикат отображает наличие или отсутствие того или иного признака у предмета».

циальные формы выражения. В индоевропейских языках существуют особым образом построенные номинативные, экзистенциальные, идентифицирующие и характеризующие (предикатные, признаковые) предложения, первичной функцией которых является выражение соответствующих отношений. Каждый из этих типов предложений занимает особое место в элементарной модели построения связного текста, во многом определяя его синтагматику. Именно эти два обстоятельства — наличие специальных синтаксических конструкций и их маркированность относительно текста — подтверждают реальность существования экзистенциальных, номинативных, идентифицирующих и характеризующих отношений как факта синтаксиса, во всяком случае русского языка, на материале которого была выполнена эта работа.

Текст обычно открывается экзистенциальными предложениями, утверждающими существование предмета (лица), о котором пойдет речь. Ср. *Жил-был один мальчик (купец, старик, мужик, рыбак и пр.)*. Обязательность для полной модели текста экзистенциальной интродукции резюмирована в логическом положении, согласно которому субъектно-предикатные предложения опираются на пресуппозицию существования предмета, обозначенного в их субъекте. Напомним, что семантические пресуппозиции соответствуют тем утверждениям, которые в полностью эксплицированном тексте предшествуют данному. Лишь очень немногие объекты не нуждаются, входя в речь, в специальном экзистенциальном утверждении. К их числу относятся, прежде всего, сами собеседники и их «части». Для того, чтобы сделать сообщение *Голова болит*, говорящий не должен предварительно прибегать к утверждению о существовании у него головы.

На втором этапе повествования «введенный в бытие» предмет должен быть поименован. Этим обеспечивается возможность его однозначной и недвусмысленной идентификации в дальнейшем повествовании. Ср. *Жил-был один мальчик. Звали этого мальчика Коля*. Сообщения об имени предмета также опираются на пресуппозицию существования. Таким образом, логическое положение о том, что имена собственные бытуют в речи только в силу бытия в мире именуемого ими предмета, объясняющее возникновение ситуаций, подобных описанной Ю. Тыняновым в повести о поручике Кижее, в которой к имени собствен-

ному, возникшему по недоразумению, примысливается несуществующее лицо, находится в соответствии с порядком развития текста: сообщение об имени следует за утверждением существования лица. Эти два шага составляют интродукцию к тексту. Они не допускают повторного применения в пределах одной предметной темы: нет резона дважды сообщать о существовании и имени одного объекта.

Разделение первого и второго шага в прелюдии к тексту обусловлено связью типа логической структуры и типа входящей в нее номинации предмета. Утверждение бытия лица или предмета, подготавливающее предикацию, несовместимо с введением простейшего способа его идентификации, т. е. с сообщением собственного имени героя повествования. В экзистенциальных предложениях, как уже отмечалось, предмет может быть обозначен только таксономическим именем. В этих предложениях эксплицируются свойства, отличающие данный класс предметов от других классов предметов. В следующих за экзистенциальными предложениями именовании указывается способ отделения данного предмета от других предметов того же разряда, т. е. производится его индивидуализация. Экзистенциальные предложения связаны с таксономической номинацией, назывные по своему содержанию предложения — с именем собственным или его эквивалентами². Предложение *Был также в Тифлисе бедный Ашик-Кериб* (Лермонтов, Ашик-Кериб), которое как будто противоречит приведенному правилу, находит себе объяснение в том, что сочетание *Ашик-Кериб*, играющее в турецкой сказке Лермонтова роль имени собственного, имеет и нарицательное значение, разъясненное самим автором: *ашик* значит 'балалаечник' а *кериб* — 'странник'. Приведенная фраза, следовательно, синтезирует два сообщения: 1) был в Тифлисе бедный ашик кериб (странствующий балалаечник); 2) звали его Ашик-Кериб (или: в дальнейшем мы будем именовать его Ашик-Керибом).

Если рассказчику неизвестно имя героя повествования, то он как бы превращает в имя собственное какой-

² В. Г. Гак отмечает, что в зачине обычно соблюдается такая последовательность номинаций: имя нарицательное — имя собственное — местоимение (см.: В. Г. Гак. Повторная номинация и ее стилистическое использование. «Вопросы французской филологии», МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1972, стр. 128).

либо ситуативный признак. В этом случае характеризующее или событийное сообщение включает в себя также сведения о возможном способе номинации персонажа. Так, Лесков, передавая в «Очарованном страннике» разговор пассажиров парохода, упоминает о склонности одного из них к «философским обобщениям и политической шутливости». Далее этот пассажир именуется *философом*. Ср. *Философ ядовито улыбнулся, но ничего не ответил* (Лесков) ³.

Когда «героем» повествования является предмет, противопоставляемый членам других классов предметов (например, *электрическая лампочка и керосиновая лампа* в детском стихотворении С. Маршака), то таксономическая номинация, присутствующая в экзистенциальном предложении, используется также и в идентифицирующих целях. В этом случае оба интродуктивных предложения могут быть сведены к одному экзистенциальному высказыванию, в котором одновременно сообщается и о существовании объекта и о способе его наименования. То же можно наблюдать и во многих обобщенно-морализирующих повествованиях о людях и животных (сказках, баснях, притчах и т. п.). Ср. *Жил-был газетчик и жил-был читатель. Газетчик был обманщик — всех обманывал, а читатель был легковерным — всему верил* (Салтыков-Щедрин).

В интродуктивной части текста, таким образом, создается основа для формирования суждения (соотв. характеризующего предложения). Экзистенциальные предложения подготавливают предципирование признаков предмету, исключая возможность беспредметных, пустых суждений. Предложения именованья обеспечивают способ прямой идентификации объекта, которому предципируется некоторый признак. Двуступенчатая интродукция к тексту сообщает о существовании и обозначении субъекта следующих за ней предложений «корпуса» повествования. Ср. *Жили-были брат и сестра. Брата звали Филипп, а сестру — Катя или: Жили-были брат и сестра — Филипп и Катя*. Предложения экзистенции и номинации в этой своей предваряющей функции обычно не упот-

³ О таком способе обозначения персонажей повествования см.: Р. А. Будагов. Наблюдения над языком и стилем И. Ильфа и Е. Петрова. — В кн.: Р. А. Будагов. Язык, история и современность. М., 1974, стр. 207—209.

ребляются в отрицательной форме. Третий шаг начинает основную часть текста. Он строится на отношениях предикации (характеризации). Ср. *Раз пошли Филипп и Катя в лес по ягоды*. Отношения характеризации, в отличие от тех отношений, которые создают введение к основному тексту, семантически многообразны и допускают бесконечное количество реализаций как в положительной, так и в отрицательной форме.

Намеченная общая модель служит трафаретом не только для абсолютного начала текста. Она используется всякий раз, когда начинается новая предметная тема, например в повествование включается какой-либо новый персонаж. Последовательность сообщений более всего соблюдается в сказках, баснях и других жанрах фольклора. В реальной коммуникации и в литературных произведениях приведенная элементарная модель варьируется в зависимости от условий, предмета, задач, жанра и стиля повествования.

Так, например, если речь идет об известном собеседнику предмете, в интродукции нет нужды. Нет необходимости в экзистенциальном введении и тогда, когда сообщение касается уникальных предметов макромира человечества (солнца, земли, луны, северного и южного полюсов и пр.) и обязательных (или по крайней мере единичных) компонентов микромира человека (таких, как отец, мать, жилище, школа и т. п.). Интродукция опускается в литературных произведениях, вводящих читателя сразу *in medias res* событий. Ср. *У Васи было четыре копейки* (Л. Толстой, Новая книга для чтения); *Был Сережа именинник и много ему разных подарков подарили* (там же). Экзистенциальное утверждение в этом случае остается в области пресуппозиций. Оно имплицитно употребляется именем собственным, которому, согласно «договору» между участниками коммуникации, всегда должен соответствовать реальный предмет. Именно поэтому собственные имена не включаются в утверждения о существовании.

Возможно и много других вариантов начала текста, разработанных в ходе развития повествовательного жанра. К их числу относятся: инверсия последовательности начальных предложений,⁸ опущение одного из них, фоновое (описывающее арену действий) начало, замена экзистенциальных предложений, утверждающих существова-

ние объекта, сообщением о каком-либо происшествии, имплицитующем бытие участников события. В этом последнем случае в интродуктивную часть текста вводятся предложения тождества. Ср. *На втором этаже общежития справляли свадьбу. Женился (женихом был) студент университета Коля.* В предложение идентификации включена та информация, которая обычно содержится в таксономической номинации экзистенциального высказывания и в предложении именованного. Ср. *Был в университете один студент. Звали его Коля. Коля решил жениться. Наступил день свадьбы. Свадьбу устроили на втором этаже студенческого общежития.*

Столь богатые возможности варьирования вызывают часто «муки первой фразы». Как начать? С чего начать? — этот вопрос докучает даже опытным писателям. «Всякому пишущему — не только школьнику — известно, что самое трудное в письменности — это первая фраза. Писатели-специалисты утверждают, что удачное начало заранее определяет иной раз развитие целой книги», — пишет К. С. Петров-Водкин⁴.

Наиболее интересное в лингвистическом плане варьирование истоков текста состоит в логических сокращениях, достигаемых изменением принятого соотношения типа сообщения и типа входящих в него номинаций (имен предмета). Рассмотрим следующие зачины сказок: *Один мужик захотел есть; Один вор залез ночью к купцу на чердак; Один бедный купец уезжал в дорогу; Одна девочка ушла из дому в лес; У одного человека были осел и лошадь* (все примеры взяты из «Новой книги для чтения» Л. Толстого); *Один молодец из семинаристов сюда за грубость в дьячки был прислан* (Лесков). Приведенные предложения включают экзистенциальные сообщения и должны быть расшифрованы как выражающие два типа отношений — экзистенцию и предикацию. Ср. *Один мужик захотел есть* = Жил-был один мужик. Захотел этот мужик есть; *Пришел раз мужик к огороднику огурцы воровать* = Жил-был один мужик. Пришел раз этот мужик к огороднику огурцы воровать. Экзистенциальная интродукция таким образом включена в сообщение о событиях. Это достигается тем, что в субъекте вместо определенной дескрипции, требуе-

⁴ К. С. Петров-Водкин. Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. Л., 1970, стр. 277.

мой смысловыми глаголами, поставлена неопределенная дескрипция (*один мужик, мужик*), а иногда использована инверсия. Обе эти черты характерны для бытийных предложений. Замена определенной дескрипции на неопределенную невозможна в русских связочных предложениях, которые в виду этого не допускают включения экзистенциальных утверждений. Едва ли можно начать текст с предложений *Один мужик был портным; Был один мужик портным; Был портным один мужик*, но вполне уместно: *Работал один мужик в портняжной мастерской; Работал один мужик портным; Промышлял один мужик портновским ремеслом*.

Итак, событийное предложение может включать логически предшествующее ему экзистенциальное высказывание (регрессивное включение), определенные формальные признаки которого оно приобретает. Такого рода логическое сокращение позволяет нереферентному имени (точнее, имени с экзистенциальным типом референции) употребляться в качестве темы сообщения.

В русском языке приходится наблюдать и обратный по своей природе и направленности процесс. Рассмотрим следующие вводные предложения: *Есть тут один «артист»; Был в деревне один юродивый*. В них в состав экзистенциального предложения введены качественные номинации. Такие предложения логически разложимы на два утверждения. Ср. *Есть тут один «артист»* = *Есть тут один человек. Этот человек большой ловкач (обманщик); Был в деревне один юродивый* = *Был в деревне один человек. Был этот человек юродивым*. Таким образом, экзистенциальные по форме предложения поглощают логически следующие за ними сообщения характеризующего типа (прогрессивное включение).

Семантика существительного, входящего в анализируемые предложения распадается на таксономические и характеризующие признаки. В качественном имени лица «артист» (в смысле 'ловкач', 'мошенник') к первым относятся признаки 'человек', 'мужского пола', 'взрослый' (т. е. те значения, которые в совокупности образуют понятие 'мужчина'). Эти семантические черты, создающие широкую таксономическую (классифицирующую) номинацию и выражаемые часто суффиксом, не релевантны в характеризующих утверждениях типа *Этот человек — «артист»*, поскольку они входят уже в значение субъект-

ной дескрипции. Их поэтому иногда причисляют к семантическим пресуппозициям. Ко вторым принадлежат те компоненты значения слова *артист*, которые указывают на качественную характеристику лица. В предложении *Этот человек — «артист»* они выполняют ассертивную функцию и соответствуют значению основы. В экзистенциальных утверждениях типа *Есть тут один «артист»* все семантические компоненты, образующие значение имени, релевантны для семантики высказывания. Одна часть значения имени связана с бытийным утверждением, для которого типичны широкие таксономические номинации, другая часть относится к логически следующему за экзистенциальным характеризующему утверждению. Ср. *Есть тут один человек. Он большой ловкач*. Таким образом, таксономические признаки значимы для экзистенциального сообщения, а качественный признак — для сообщения, дающего характеристику субъекта. Приведенный пример свидетельствует о том, что отнесение таксономических признаков к семантическим пресуппозициям, правильное для характеризующих предложений, в которых они заданы субъектом, неверно для предложений экзистенциального типа, в которых все компоненты значения имени коммуникативно релевантны.

Тенденция к включению в экзистенциальное предложение характеризующей информации подтверждается высказываниями, в которых к широкой таксономической номинации примыкает качественное определение объекта. Ср. *Есть у нас арендатор — мелкий мошенник. Жена у него Ольга и четверо детей — Тимоша, Вася, Ваня и Маня* (Блок, Дневники). В первом предложении объединены экзистенциальное и характеризующее сообщения, а во втором — экзистенциальное и номинативное.

Выше были рассмотрены два способа логических сокращений. В первом случае (тип *Один мужик захотел есть*) возможность совмещения отношений экзистенции и предикации обеспечена неопределенным квантором (*один*). Во втором случае (тип *Есть тут один юродивый*) — использованием номинации, включающей как общие (таксономические), так и специфические признаки предмета. Таким образом, регрессивное включение (поглощение характеризующим утверждением предшествующего экзистенциального высказывания) связано с семантическим усложнением предикации, а прогрессивное включение (адсор-

бирование экзистенциальным предложением последующего качественного утверждения) связано с усложнением значения имени предмета, его сужением. В первом случае семантически бифункционален глагол (он сочетает экзистенциальное и событийное значения). Во втором случае семантически бифункционально имя (оно содержит таксономические и характеризующие признаки).

Однако, несмотря на широкие возможности варьирования и логических сокращений, ставящие рассказчика в трудную ситуацию выбора, все зачины воспринимаются на фоне описанной базисной модели: адресат речи стремится прежде всего вынести из начала повествования подтверждение бытия в некоторой предметной области объекта, о котором будет идти речь, сведения о его принадлежности к определенному классу и о способе его именованя.

Референция имени и структура предложения

В разных главах настоящей работы мы стремились привлечь внимание к формам взаимодействия между такими категориями синтаксиса и семантики как референция имени, логико-синтаксическая структура предложения, отражающая модели человеческого мышления, коммуникативная перспектива высказывания и значение входящих в него имен. В заключительной части уместно обобщить относящиеся к этой теме сведения.

Связь логико-синтаксического типа предложения с предметной отнесенностью имени обнаруживает себя в том, что изменение характера референции может иметь своим следствием перестройку синтаксической структуры предложения. В экзистенциальных предложениях имя нереперентно в том смысле, что оно не дает адресату речи инструкции для поиска объекта в знакомой ему предметной области. В определенных условиях, однако, оно приобретает конкретность. Подобная ситуация возникает тогда, когда локализатор обозначает предмет, а имя относится к его части или иному единичному объекту данного микромира и имеет при себе определение, например: *У мальчика румяное лицо*. Как только в таких предложениях логическое ударение переносится на определение имени, то вся синтаксическая структура приходит в дви-

жение, перестраиваясь по субъектно-предикатному образцу, первичная функция которого состоит в выражении отношений характеризации. Ср. *Лицо у мальчика было румяное (румяным)*.

Стремление придать имени конкретность, как отмечалось, наблюдается в тех случаях, когда актуализуется определение имени. Это вполне естественно. Как только сообщение сосредоточивается на признаках объекта, существование самого объекта как носителя признаков начинает пониматься как заранее данное, т. е. отодвигается в область предпосылок сообщения. Самого по себе изменения коммуникативной перспективы бытийных предложений, однако, недостаточно для перестройки логико-синтаксического типа. Важно, чтобы при этом существовали условия для изменения референции имени. Такие условия отсутствуют, если область бытия понимается как совокупность однородных объектов и ее обозначение (локализатор) не может быть преобразовано в детерминант имени. Ср. *Среди детей были умные и талантливые*.

В такого рода предложениях существование класса объектов относится к области предпосылок. Их сообщаемое заключается в выделении из состава класса некоторой качественно охарактеризованной разновидности. Имя в подобных предложениях не может получать конкретной референции, хотя коммуникативный фокус в них нередко наводится на его определение. Ср. *Есть минуты незабываемые, неповторимые*. Определение здесь относится не к конкретному объекту, а к неопределенной части множества объектов или одному неопределенному члену множества. Ср. *Среди них были красивые женщины* = некоторые женщины были красивы. Как только определение начинает характеризовать всю совокупность предметов, т. е. появляются условия для референтного употребления имени, язык обращается к субъектно-предикатной конструкции. Ср. *Среди женщин были красавицы и Все женщины были красавицами*.

Однако если целиком взятому классу дается негативное определение, то высказывание может сохранить бытийную модель. Ср. *Среди них не было красавиц* = все они были некрасивы. То же касается предложений, в которых позитивная характеристика класса достигается через двойное отрицание. Ср. *Нет русского, который не любил бы быстрой езды* = все русские любят быструю езду.

Бытийные предложения в этом случае выполняют эмфатическую функцию.

Если в коммуникативный фокус попадает количественное определение имени предмета, то преобразование экзистенциальных отношений в предикатные (характеризующие) обычно не происходит; поскольку количественный предикат, как говорилось выше (см. стр. 226), логически исключает конкретную референцию имени. Сообщения о количестве сохраняют форму бытийных предложений, предназначенных для нереферентных имен. Внутри бытийного предложения актуализуется количественное слово, а имя в родительном падеже выдвигается в позицию темы. Ср. *В комнате было много народу* → *Народу в комнате было много*.

Получив значение партитивности родительный падеж вошел в ряд других конструкций, требующих нереферентного имени, в частности в бытийные предложения. Такое употребление, в значительной степени вытесненное из современного русского языка, сохранилось в севернорусских диалектах. Ср. *Всяких вещей висит; Ездил тут всякого народу; Попадает белых грибов*⁵. Характер референции, таким образом, связывается в русском языке не столько с детерминацией имени, сколько со структурной схемой предложения: нереферентные имена вытесняются из позиции «классического» подлежащего. Этим отчасти объясняется широкая употребительность в русском языке, в особенности в русских диалектах, односоставных предложений. Показательно, что предложения с причастным сказуемым двусоставны при референтном имени и односоставны при имени, относящемся к количественно неопределенному предмету. Ср. *Накошено травы* и *Трава скошена*⁶.

В литературном языке тенденция к различению референтного и нереферентного употребления имени самой структурной схемой предложения столкнулась, как известно, с другой линией развития синтаксиса, а именно унификацией синтаксической (формальной) структуры логически

⁵ См. об этом: *И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко*. Глагольные конструкции с субъективным гонитивом в современных русских говорах. «ОЛД. Материалы и исследования». М., 1976.

⁶ Этот вопрос применительно к диалектному материалу рассмотрен в кн. *И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко*. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971, стр. 61 и сл.

различающихся предложений по подлежащно-сказуемостному образцу (им. пад. + согласуемый с ним глагол или прилагательное), в результате чего нереферентность имени ослабила связь с генитивом. Последний, в частности, был вытеснен из неотрицательных экзистенциальных предложений⁷. Если бы структурная унификация коснулась только формы глагола, но не имени, то в русском языке за генитивом могло бы закрепиться значение неопределенности, как это случилось, например, во французском, в котором неопределенный артикль мн. числа, а также партитивный артикль сформировались на базе предлога *de*, выражающего значение, близкое к генитивному. Явление согласования сказуемого с генитивом спорадически наблюдается в русских говорах. Ср. *Бывают зимой таких морозов; С города приезжают девушек и пареньков; Комаров налетят; Ходят старушек к нам; Их ведь ходили*. И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко объясняют это явление контаминацией с личными предложениями типа *Старушки (не) ходят*⁸.

В романских и германских языках процесс унификации структуры предложения по двусоставному образцу прошел более активно, чем в русском. Референтность имени утратила соотносительность с позицией подлежащего. Тип предметной отнесенности имени стал в них последовательно оформляться системой артиклей и местоименных показателей. Между тем в бытийных предложениях имя не заняло места подлежащего, заполняемого в этом случае чисто формальным местоименным элементом (ср. нем. *es gibt*, фр. *il y a*). Здесь произошло как бы совмещение двух указанных выше тенденций развития синтаксиса: структура бытийных предложений была унифицирована по двусоставному типу, и в то же время нереферентное имя не проникло в позицию подлежащего.

Столь же тесная связь между референцией имени и логико-синтаксическими отношениями наблюдается и в других случаях.

⁷ Н. Ю. Шведова. Изменения в системе простого предложения. «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения». М., 1964, стр. 312—318.

⁸ И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Глагольные конструкции с субъектным генитивом в современных русских говорах.

Изменение актуального членения предложений характеристики, перенос коммуникативного фокуса на референтное имя имеет своим следствием коренное изменение связывающих эти элементы логико-синтаксических отношений. Если предложение *Петя написал письмо* выражает логическую предикацию, т. е. сообщает о действии, совершенном конкретным лицом, то предложение *Письмо написал Петя*, в котором актуализовано имя собственное, построено на отношении тождества: тот, кто написал письмо, идентичен Пете; автор письма — Петя. Напротив, если в связочном предложении, состоящем из двух существительных, второе имя лишено референции к конкретному предмету, предложение перестает выражать отношения тождества и переходит в класс характеризующих высказываний. Ср. *Андрей — писатель*; *Андрей — мой друг* (= Андрей мне друг). Последнее предложение выражает реляционную предикацию, устанавливающую некоторое отношение между референтами двух имен, в данном случае между Андреем и автором речи. Имя *друг* в нем не референтно.

Таким образом, логическая структура предложения, референция входящих в это предложение имен и коммуникативная перспектива высказывания находятся между собой в постоянном взаимодействии, взаимообуславливают друг друга.

В соответствии с перечисленными свойствами предложения находится и семантика имени: каждый логико-синтаксический тип предложения отдает предпочтение определенным типам номинации. Для экзистенциальных предложений характерен выбор имен, обозначающих широкие классы предметов. В них избегаются слова, лишённые понятийного содержания — имена собственные, личные и дейктические местоимения. Для предложений характеристики, напротив, типично употребление в функции субъекта, т. е. референтного термина, имен собственных, личных и дейктических местоимений, имен нарицательных (главным образом, функциональных, реляционных и окказиональных) — *мой начальник*, *его брат*, *грабитель* и пр.

В сказуемом характеризующих предложений, если оно выражено существительным, естественна качественная номинация объекта. Сказуемое общих суждений классифицирующего типа всегда имеет более широкое значение,

чем подлежащее. В классифицирующих предложениях конкретного значения, напротив, субъект часто обозначается именем более широкого класса, сравнительно с предикатом. Ср. *Роза — цветок* и *Этот цветок — роза*.

В предложениях тождества, в которых оба имени референтны, фигурируют термы, приспособленные к тому, чтобы наиболее эффективным способом идентифицировать объект — имена собственные, дейктические и личные местоимения, определенные дескрипции — реляционные, функциональные и ситуативные. Если оставить в стороне термы, лишенные понятийного содержания (имена собственные и местоимения), то приспособление к наиболее успешному осуществлению коммуникативной функции привело к формированию двух основных типов значений, которые могут быть названы идентифицирующим и предиктирующим (характеризующим). Эти два типа значения входят в непосредственный синтагматический контакт в основной структуре предложений — предложениях характеристики, в которых они наиболее определенно противопоставлены друг другу. Этот вопрос будет резюмирован в следующем разделе.

Семантические свойства составов конкретного предложения

На протяжении всей работы нам приходилось в разной связи говорить о семиотических и семантических различиях между предикатом (пропозициональной функцией) и термами конкретного высказывания. Поскольку это свойство представляется нам одной из основных семантических характеристик предложения, мы хотим в заключении еще раз возвратиться к этому вопросу с тем, чтобы более последовательно изложить нашу точку зрения.

Глубокое и принципиальное семантическое различие составов предложения, выражающего конкретное суждение, заметно уже при наблюдении за процессом коммуникации. Для того чтобы понять смысл сказуемого, достаточно знать его языковое (словарное) значение. Для того чтобы понять, что значит подлежащее, этого мало: нужно знать, кроме того, к какому объекту в предметной области приложения языка отнесен данный языковой индекс. Если не ясна референция подлежащего, то предложение

остаётся непонятым: адресат может уловить его смысл, но он не будет знать, к какому элементу действительности его следует приложить.

Отнесенность содержания сообщения к миру устанавливается его субъектом, обладающим свойством референтности. Если ситуация помогает адресату уловить референцию субъектного слова, незнание его значения или неправильное его употребление говорящим не может служить препятствием к пониманию высказывания. Идентифицирующее значение это перст, указывающий на денотат. К нему предъявляется повтому только одно требование: адресату речи должно быть ясно направление семантической стрелки. Идентифицирующее значение обладает свойством прозрачности: через него просвечивает реальный объект. Таким образом, уже наблюдения за процессом общения убеждают нас в том, что подлежащее и сказуемое в классическом двусоставном предложении, выражающем конкретное суждение, существенно различны по своим семантическим свойствам. Подлежащее в общем случае служит идентификации предмета сообщения, по отношению к которому оно выполняет функцию субституции. Слово, занимающее позицию подлежащего, **н а з ы в а е т** предмет. Сказуемое служит целям передачи некоторой коммуникативно релевантной информации. Оно лишено непосредственной референции к предметам действительности, т. е. не выступает в роли их знакового заместителя. Слово, играющее роль сказуемого, **о б о з н а ч а е т** свойства (атрибуты) предмета. Подлежащее тем самым реализует в предложении свою способность указывать на некоторый объект, в то время как «вклад» сказуемого в семантику предложения создается его сигнификативным содержанием. Вследствие этого в роли подлежащего и других идентифицирующих слов (но не сказуемого) естественно употребляются слова, лишенные сигнификата, но приспособленные к тому, чтобы наиболее простым и однозначным способом идентифицировать денотат (дейктические слова, имена собственные).

При наличии в подлежащем (шире, термах при многоместном предикате) сигнификативного содержания это последнее используется в иных целях, нежели значение сказуемого. Компоненты значения термина и всех слов, относящихся к нему, в том числе и придаточных ограничительных, служат поискам предмета речи, указывая на его

«особые приметы», между тем как компоненты значения сказуемого сообщают некоторую информацию через указание на общие свойства предмета. В классическом случае, членясь на два состава, предложение распределяет свое содержание между пресуппозициями сообщения и его ассертивной частью.

Вследствие того, что идентифицирующие слова (в первую очередь подлежащее) реализуют в предложении свою способность к денотации и их сигнификат лишен коммуникативной значимости, он может варьироваться в достаточно широких пределах, не изменяя истинностного значения предложения. Назовем ли мы «героя» события по его служебной функции, родственным связям или просто по имени, это не изменит коммуникативного содержания высказывания. Ср. *Танин муж (наш сосед, мой начальник, Василий Иванович) вчера вечером вернулся из командировки*. Выбор номинации для идентифицирующих слов обусловлен объемом общего фонда знаний собеседников, стилем повествования, социальными нормами, уместностью в той или другой ситуации.

Из того факта, что идентифицирующее значение ситуативно обусловлено и может варьироваться в широком диапазоне, нам представляется возможным сделать вывод об отсутствии обязательной семантической связи между смыслом (сигнификатом) подлежащего и смыслом сказуемого. Эти категории, каждая из которых подчинена особым коммуникативным целям, семантически относительно независимы друг от друга. Между их смыслами нет согласованности. Требование соответствия, предъявляемое сказуемым к конкретному подлежащему и другим термам, выполняющим идентифицирующую функцию, относится не к их смыслу, а к их денотату, т. е. к самому предмету реальности. Иными словами, можно говорить только об ограничениях, налагаемых значением предиката (пропозициональной функции) на референцию термов. Если глагол *сыпаться* относится к дискретной твердой массе, а глагол *литься* — только к жидкости, то, как бы мы ни назвали движущееся вещество, выбор глагола движения будет обусловлен его реальной консистенцией, а не смыслом (сигнификатом) обозначающего его имени. Ср. *Вся эта мерзость вылилась (высыпалась) мне на пальто; Я вылил (высыпал) все остатки; Он вылил (высыпал) в свой бокал яд*. Здесь речь должна идти не о согласованности смыслов

слов (пропозициональной функции и ее предметных аргументов), а о различиях в смысле предикатов (пропозициональных функций). Тот факт, что глагол *моргать* обычно сочетается со словом *глаза*, а *кусать* — с именем *зубы*, занимающим при нем орудийную позицию, не противоречит сформулированному положению. Регулярность такой сочетаемости вызвана лишь тем обстоятельством, что предметы лишены собственных имен и им редко соответствуют в языке более одного-двух обозначений. Но если бы кто-нибудь захотел назвать глаза *голубыми озерами*, ничто не могло бы помешать ему выразиться так: *Она заморгала своими голубыми озерами; Она прищурила (зажмурила) свои голубые озера.*

Корни ограничений «свободы передвижения» предикатов в области конкретных предложений следует искать в их значении, а не в законодательной деятельности нормы.

Наряду с прагматическими факторами на выбор идентифицирующих номинаций влияет содержание предиката. Так, например, в наименовании субъекта может быть подчеркнут тот именно его аспект (признак), в связи с которым делается сообщение. Ср. *Этот педагог обладает большим опытом* = этот человек опытен как педагог; *Мой учитель математики хорошо знает свой предмет*; *У этого пианиста превосходная техника*. Не обращаясь к значению подлежащего, в подобных случаях нельзя понять смысл сказуемого.

Значение (сигнификат) имени, занимающего позицию подлежащего, не всегда и не во всем безразличен для смысловой организации предложения. Если сказуемое образовано только теми элементами смысла, которые заданы значением подлежащего, то предложение выражает аналитическое суждение, т. е. суждение, истинное в силу значений входящих в него слов. Такое предложение в общем случае лишено коммуникативной значимости. Ср. *Столетняя война продолжалась сто лет*. Общее правило построения семантики предложения требует, чтобы в содержании предиката присутствовали компоненты значения, не входящие в смысл субъекта. Впрочем, естественные языки, коммуникативные цели которых весьма разнообразны, могут нарушать это правило. Ср. *Так уж истари повелось на свете: обманщики обманывают, а лежковерные верят*. *Suum cuique* (Салтыков-Щедрин).

Несмотря на то, что подлежащее и сказуемое имеют каждое свое семантическое предназначение, пресуппозиции сообщения в естественных языках не замкнуты областью подлежащего, а ассертивные признаки не локализируются полностью в зоне сказуемого. Семантические области подлежащего и сказуемого постоянно пересекаются: идентифицирующая информация проникает в предикат, создавая наложение друг на друга указанных семантических зон; предикатные значения внедряются в значение подлежащего, маскируясь под «данное», под информацию, предназначенную для идентификации предмета сообщения. Ср. — *Чудеса завелись!* — говорил один из них. — *Послушали бы вы, что рассказывает э т о т м о ш е н н и к* (Гоголь).

В тех случаях, когда оба взаимодействующих значения коммуникативно релевантны (как в только что приведенном примере), они стремятся вступить между собой в логические связи. При этом отношения между составами предложения могут разворачиваться в любой логической последовательности. Ср. *Этот балбес провалился на экзамене* = Коля провалился на экзамене. Поэтому я считаю его балбесом; *Этот разиня забыл выключить газ* = Наш сосед разиня. Поэтому он забыл выключить газ.

Поскольку подлежащее и сказуемое в семантическом отношении обычно не элементарны, т. е. каждое из них может заключать в себе иерархическую систему смысловых компонентов, объединенных в означаемом одного слова или группы слов, встает вопрос о выделении среди них центральных (наиболее коммуникативно существенных) и периферийных элементов. В общем случае коммуникативная роль семантических компонентов тем больше, чем более частному признаку понятия они соответствуют. В синтагматической цепочке синтаксическая центральность и семантическая весомость обратно пропорциональны: наиболее синтаксически периферийный элемент оказывается наиболее семантически важным.

Если идентификация объекта осуществляется именем нарицательным или именным словосочетанием, то самый эффективный для этой цели признак соответствует самому частному компоненту их значения. Этим можно объяснить, что в разговорной речи в идентифицирующем словосочетании вершина часто подвергается «усекновению». Ср. *А ты убрала уже где холодильник?* (т. е. комнату, в ко-

торой стоит холодильник); *В шубке не проходила?* (т. е. женщина в шубке) ⁹. В литературных текстах с определенной стилистической окраской подчиненный элемент словосочетания иногда передвигается в центр. Ср. метонимическое употребление имен в предложениях типа *Шляпа спросила; Пенсне брезгливо поморщилось; Валенки запротестовали*. Можно, кажется, утверждать, что если процесс метафоризации значения в большей степени связан с сообщаемым (предикатом), то явление метонимии возникает в ходе формирования идентифицирующего значения.

То же положение о существенности наиболее периферийного элемента относится к составу сказуемого. Ядро сообщаемого стремится переместиться в наиболее синтаксически зависимый член. Для организации смысла и этом случае характерно действие центробежных сил. Они вызваны к жизни принципом постепенности передачи информации, согласно которому в каждом сообщении объем информации увеличивается на одну «единицу значения» (допустим, что ею является значение слова). Этого принципа, который может быть назван принципом аддитивности, в большей или меньшей степени придерживается разговорная речь, но от него достаточно далеко отходит письменный литературный текст, в особенности описательного типа. В последнем все элементы могут быть насыщены новой информацией, вследствие чего актуальное членение предложения оказывается многоступенчатым ¹⁰.

В речи, развертывающейся по принципу последовательного, «порционного» введения новой информации, коммуникативную значимость стремится приобрести тот компонент значения, который соответствует самому частному признаку события. Не случайно поэтому в предложении с нормальным расположением акцентов наиболее ударна конечная позиция. Общее отрицание обычно распространяет свое действие только на самый частный семантический компонент состава сказуемого, подтверждая этим его коммуникативную выделенность. Высказывание *Хемингуэй писал стоя* содержит сообщение о манере

⁹ Множество подобных примеров приводится в кн.: «Русская разговорная речь». М., 1973 (см. например, стр. 447).

¹⁰ О динамике письменного текста см.: *И. И. Ковтунова*. Принципы словорасположения в современном русском языке. — В кн.: «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967, стр. 101 и след.

работы Хемингуэя, а не о том, что он занимался сочинительством. Поэтому общее отрицание *Ложно, что Хемингуэй писал стоя* действует только на значение обстоятельственного слова. Необходимо, впрочем, оговорить, что семантическая область, затрагиваемая общим отрицанием, может меняться в зависимости от коммуникативной организации текста, т. е. от того, как в нем распределена новая информация.

Стремление ремы передвинуться на периферию состава сказуемого чревато определенными последствиями: оно ведет к изменению логического содержания высказывания. Если предложения *Студенты работали; Мальчик бежал* выражают суждения первой степени, т. е. суждения, вынесенные о конкретном объекте, то высказывания *Студенты работали на целине; Мальчик бежал быстро* содержат суждения о событиях. Они означают: 'Работа студентов проходила (имела место) на целине'; 'Бег мальчика был быстрым'.

Итак, и внутри состава подлежащего, и внутри состава сказуемого наиболее существенный в коммуникативном отношении компонент значения занимает наиболее периферийную позицию.

Изложенный здесь взгляд на семантические особенности подлежащего и сказуемого находится в соответствии с логической интерпретацией соответствующих элементов суждения в трудах М. И. Каринского, который следующим образом определял их содержание: «Легко можно подумать в таком случае, как это часто и бывает, что субъектом суждения служит то понятие или представление, которое с совершенно определенными чертами выступает перед нашим сознанием, когда мы слышим термин, обозначающий субъект. На самом деле далеко не так. Истинным субъектом суждения всегда служит неопределенно мыслимый предмет, о котором всегда предполагается, что его содержание никак не исчерпывается сполна тем свойством, каким он характеризуется в подлежащем». И далее: «Определенное представление, соединяемое непосредственно с термином подлежащего, составляет в сущности только часть содержания предмета, оно может быть даже таким же несущественным признаком предмета, каким часто бывает представление, соединяемое с термином сказуемого. Они различаются друг от друга только тем, что одно берется как указание на предмет, т. е. как такой при-

нак, который в состоянии остановить на нем наше внимание, другой — как признак, теперь прилагаемый к предмету, все равно, на основании ли только что сейчас добытых нами сведений о нем или на основании сведений, приобретенных нами ранее. Этим отчасти объясняется, почему мы отлично понимаем друг друга при взаимной передаче мнений о предметах, тогда как термины, обозначающие предметы, часто вызывают далеко не сходные представления у различных людей. Важно не то, что один с термином *человек* непосредственно соединяет представление о разумно-нравственном существе, другой — известный видимый образ, что даже этот образ очерчивается далеко не тождественно в представлении различных людей, например в мысли зрячего и слепого; важно не то, что метка оказывается неодинаковой; взаимное понимание вполне обеспечено, если разные метки указывают на одни и те же предметы, на одну и ту же непосредственную полноту содержания, из которой они взяты для ее же характеристики, так как в суждении ей именно приписывается определение, а не тому определенному понятию, которое соединяется с термином подлежащего»¹¹.

Если согласиться с мыслью о принципиальных различиях в значении и функции составов конкретного предложения, то пришлось бы, как нам кажется, внести уточнения в семиологическую концепцию предложения или, возможно, усомниться в том, что предложение представляет собой единый знак ситуации, замещающий как обозначаемое положение дел, так и прагматическое событие, создаваемое речевым актом. Как мы пытались показать, составы предложения различны именно по характеру знаковой функции: субъект служит знаковым заместителем предмета действительности, а предикат лишен референции к предмету, он — его означающее — есть субститут отвлеченного понятия, т. е. относит только к своему обозначаемому. Субъект принадлежит миру, а предикат — мышлению о мире. «Чудо» предложения как раз в том и состоит, что в нем достигнут некоторый синтез категорий мышления и элементов объективной реальности, установлена связь между миром и человеком.

¹¹ М. И. Каринский. Классификация выводов. «Избранные труды русских логиков XIX в.». М., 1956, стр. 61—62.